

УДК 348.06

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-3-39-48

СИМВОЛЫ ЗЛА В КАНОНИЧЕСКОМ (ЦЕРКОВНОМ) ПРАВЕ РОССИИ (X – НАЧАЛО XX ВВ.)

Дорская А.А.

*Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена
191186, г. Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, д. 48, Российская Федерация*

Аннотация. В статье исследуется использование символов для обозначения зла в каноническом, а с XVIII в. церковном праве Руси и России. Символы зла рассматриваются в контексте теории социальной травмы, разрабатываемой в последние десятилетия социологами. В статье показано, что с помощью обозначения в праве символов зла происходит определённое кодирование, позволяющее, с одной стороны, конструировать социальную травму, а с другой, преодолевать её. В результате исследования сделан вывод, что в российском каноническом праве под злом понимались любое несоответствие образу Боготворца, символизирующего добро, переход в состояние хаоса, а в церковном праве при характеристике означаемых зла уже использовалась политическая конъюнктура. В современных условиях пересмотра многих событий XX в. во многих государствах, в том числе и в России, наблюдается процесс законодательного определения новых “символов зла”, поэтому предшествующий опыт может помочь в осмыслении данного процесса.

Ключевые слова: каноническое право, церковное право, светское право, символы зла, злоупотребление.

THE SYMBOLS OF EVIL IN THE CANON (ECCLESIASTICAL) LAW OF RUSSIA (FROM THE 10TH TO EARLY 20TH CENTURY)

A. Dorskaya

*Herzen State Pedagogical University of Russia
48, emb. of the Moika River, St. Petersburg, 191186, Russian Federation*

Abstract. The article explores the use of symbols personifying evil in canon and (from the 18th century) ecclesiastical laws of Russia. The symbols of evil are considered in the context of the theory of social trauma developed by sociologists in recent decades. The article shows that with the registration of the symbols of evil in law a certain coding occurs, allowing both to construct a social trauma and overcome it. The study concluded that in the Russian Canon Law, evil meant any inconsistency with the image of God the creator symbolizing good, a transition to chaos, and in Ecclesiastical Law, evil acquired political implications. At present, the revision of many events of the twentieth century in many states, including Russia, boosted the process of defining new symbols of evil in legislation, so the previous experience can assist in comprehending this process.

Key words: Canon Law, Ecclesiastical Law, secular law, symbols of evil, abuse.

© СС ВУ Дорская А.А., 2018.

Современная наука с каждым годом всё больше предполагает междисциплинарные исследования и использование достижений различных научных направлений. В связи с тем, что в XXI в. начался очередной достаточно болезненный этап переосмысления многих событий предыдущего столетия, которое находит отражение в законодательстве, одним из направлений развития историко-правовой науки является изучение современных нормативных оценок прошлого. В этой связи для юридической науки актуальным стало заимствование из социологии понятия социальной травмы, активно разрабатываемого в последние десятилетия, прежде всего Дж. Александером (США) и Петером Штомпкой (Польша).

Социальные травмы могут возникать на основе переживания как реальных, так и мнимых событий, которое определяет настоящее и, если не предпринимаются никакие меры, будущее [3, с. 22]. В любом случае, социальные травмы вызываются революционными процессами, происходящими внутри общества [4, с. 22], которые могут осознаваться не сразу. Социальные реалии, по оценке Дж. Александера, обретают ценностное содержание, только когда кодируются, означаются, а это можно изучать на примерах конструирования социальной травмы [1, с. 22]. Однако культивировать данный процесс нельзя, т. к., во-первых, воздействие травмирующих событий на общество может быть весьма условным, а во-вторых, для каждой эпохи характерен свой порог ужаса [12, с. 35]. В праве этот процесс связан с закреплением определённых символов зла, находящихся своё отражение в различных нормативно-правовых актах.

Несмотря на то, что категории “зло”, “злоупотребление” встречаются в российском законодательстве с древности, в историко-правовой науке практически нет работ, посвящённых их символическому выражению. Редким исключением является статья И.А. Исаева, посвящённая герменевтическим связям зла, греха и наказания [8] в рамках анализа идей Поля Рикёра [14]. Вместе с тем социальная травма никогда не бывает мимолётной, она всегда запечатлевается в памяти поколений [9, с. 57], кодируется.

На Руси категория “зло” сразу стала формироваться как в каноническом, так и в светском праве. Это было обусловлено тем, что после крещения Руси параллельно стали развиваться две правовые системы. Одна была заимствована из Византийской империи и содержала как собственно церковные каноны, так и византийское законодательство (Номоканон Эклога, Прохирон и другие источники). Светское право начало развиваться с княжения Ярослава Мудрого и во многом отражало специфику общественных отношений, сложившихся в древнерусском обществе. Однако сразу возникла ситуация отсутствия чёткого разделения между церковным и светским, что выразилось, в частности, в издании великими князьями церковных уставов.

В каноническом праве под “злом” понималось всё, что является противоположностью, альтернативой образу Бога-творца, который символизирует добро.

Особенностью понимания зла в древнерусский период было то, что, в отличие от западной средневековой культуры, оно не всегда конкретизировалось в фигуре Дьявола, Люци-

фера и т. д. [5, с. 60]. Так, в Титуле II Эклоги – одном из памятников византийского законодательства VIII в., заимствованном после крещения Руси, носителем зла мог быть человек, “одержимый бесами” [23].

В Эклоге зло ассоциировалось с “разрушением всего” (XVII Титул), наступлением хаоса. Причём это могло быть как на государственном уровне (злоумышление против императора, закреплённое в пункте 3), так и личном (разрушение семьи как особого “мира”, микромира человека в пункте 27) [23].

Преодоление зла могло осуществляться через такое наказание, применяемое церковью, как заточение. Как отмечает С.О. Шаляпин, с точки зрения христианской догматики монастырь как бы стоял на грани двух миров, реального и потустороннего, а поэтому был идеальным местом для символической смерти в виде отбывания заточения [22, с. 251]. Например, существовала легенда, что ряд башен темницы Кирилло-Белозерского монастыря был непосредственно связан с адом, и узники погибали в них, т. к. силы зла истязали их до смерти [22, с. 252].

Символы зла определялись и на церковных соборах разных периодов. Так, в 1274 г. Собор во Владимире-на-Клязьме рассматривал злоупотребления при рукоположении на иерархические степени. В 1603 г. на Московском соборе был введён запрет на совместное проживание монахов и монахинь в монастырях.

Развитие отношений Российского государства и Русской православной церкви способствовало тому, что постепенно происходила трансформация канонического права в церковное.

Церковное право как бы поглощало источники и нормы канонического права, дополняя их различными нормативно-правовыми актами государственных органов, затрагивающими вопросы церковной жизни.

Уже в решениях Стоглавого собора 1551 г. – церковного собора с участием светских представителей – категория “зло” применялась несколько раз и приобрела достаточно подробные описания.

Во-первых, в главе 3 Иван IV покался в “злых согрешениях и законопреступлениях” в юности, объясняя их неведением и грехом в условиях боярских междоусобиц, породивших “злокозненные обычаи”.

Во-вторых, термин “зло” использовался для обозначения ситуации для паствы, когда монахи принимали постриг не для спасения души, а ради “покоя телесного, чтобы всегда бражничать”.

В-третьих, “зло”, включавшее блуд, прелюбодеяние, содомский грех, неправый суд, гордость и зависть, стало толковаться и как преступление, и как грех.

В-четвёртых, в главе 32 символом зла стал дьявол. Неправильное наложение креста при крещении стало рассматриваться как предание дьяволу.

В-пятых, в главе 38 было закреплено, что “всего злее преступати крестное целование”, т. е. нарушать присягу.

В-шестых, в главе 39 к преступлениям было отнесено соблюдение “обычая злая” иноверцев, прежде всего мусульман.

В-седьмых, безусловным злом, согласно главе 52, являлось пьянство, которое, как известно, при Иване Грозном

стало считаться основанием, отягчающим уголовную ответственность [16].

Определённым этапом кодирования символов зла стало Соборное уложение 1649 г. Уже первая глава, посвящённая преступлениям богохульников и церковных мятежников, свидетельствовала о том, что отныне в светских источниках будут выделяться религиозные преступления [15].

Именно в Соборном уложении 1649 г. была воспринята идея канонического права, что зло может быть случайным, нечаянным, т. к. было предусмотрено освобождение от уголовной ответственности при убийстве при стрельбе по зверю или птице, убийстве испугавшимся животным. С течением времени наличие церковных наказаний в российском уголовном праве сделало возможным не привлекать к уголовной ответственности лиц, в деяниях которых не было признака вины. Об этом свидетельствуют многочисленные архивные дела Российского государственного исторического архива¹.

Раскол Русской православной церкви, который произошёл в результате реформ патриарха Никона в 1652–1658 гг., тоже приобрёл в российском праве символическое значение. Как отмечает О.В. Чумичева, в решениях Большого Московского собора 1666–1667 гг., главным вопросом повестки дня которого было осуждение патриарха Никона, подчёркивалось, что раскол является злом, которое возникло в результате невежества мирских людей и приходского духовенства и может быть преодолено только путём обучения грамоте “сельских невеж” [21]. По-

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796 (Канцелярия Святейшего Синода). Оп. 84. Д. 5. Л. 7, 8 об.

явилась правовая традиция называть старообрядцев “раскольниками”, хотя во всех петициях, прошениях они сами применяли такой термин, как «староверы».

В XVIII в. с началом синодального периода процесс трансформации канонического права в церковное усилился. В петровское время в светском законодательстве использовались два термина: и “зло”, и “грех”. Например, в Артикулах воинских от 25 апреля 1715 г. в главе XX как преступление был квалифицирован “содомский грех” [2, с. 370]. В артикуле 146 предусматривалось наказание в виде лишения руки, если кто-то со злостью кого-то побьёт [2, с. 362].

Одним из символов зла в Духовном регламенте 1721 г., являвшемся важнейшим источником церковного права России, было единоначалие власти папы римского. При описании Святейшего Синода было однозначно заявлено, что таковому злу в российском соборном духовном правительстве места нет [13, с. 318].

С конца XVIII в. нормы церковного права стали объектом научных исследований, церковное право вошло в программы обучения сначала церковных, а затем и светских учебных заведений.

Новые символы зла в церковном праве обозначились в связи с новой вероисповедной политикой, начатой Петром III и продолженной Екатериной II. 29 января 1762 г. был издан именной указ «О веротерпимости или о равенстве вероисповеданий» [7, с. 894, 895], в котором было констатировано, что, несмотря на то, что старообрядцы являются христианами, в Российской империи они имеют даже

большие ограничения по сравнению с нехристианами. Если старообрядцы проживали в определённых районах, им гарантировалась свобода вероисповедания.

Взгляды Екатерины II были достаточно чётко определены в «Наказе» Уложенной комиссии от 30 июля 1767 г. В ст. 494–496 фактически были определены пути реализации принципа свободы вероисповеданий в Российском государстве [10, с. 36]:

– запрещение или недозволение различных вероисповеданий приводит к беспокойству в стране и может навредить безопасности подданных;

– если жители страны недовольны существующими притеснениями по религиозному вопросу, их можно успокоить только путём принятия новых вероисповедных законов, основанных на принципах свободы и равенства;

– при гонениях человеческие умы раздражаются, а при дозволении – смягчаются, поэтому “мягкая” вероисповедная политика способствует установлению в государстве тишины, спокойствия и консолидации подданных [11, с. 275].

Приближённые Екатерины II считали, что в отношении старообрядцев из двух зол надо выбирать меньшее. Например, при оформлении Святейшим Синодом наказа своему депутату в Уложенной комиссии обер-прокурор И.И. Мелиссино (1763–1768 гг.) предложил разрешить старообрядцам иметь свои молитвенные дома, чтобы исключить большее зло [6, с. 108]. Таким образом, новым символом зла стала негуманная политика в отношении старообрядцев, приводящая к волнениям в государстве, однако при этом

сам раскол по-прежнему тоже считался злом.

В 1841 г. был издан Устав духовных консисторий. Содержание его статьи отражало сложившееся сочетание источников канонического и церковного права Русской православной церкви. Духовный регламент, императорские указы, определения Святейшего Синода, действующее государственное законодательство являлись источниками церковного права наравне с Законом Божиим, правилами святых апостолов, решениями вселенских и поместных соборов и святых отцов [19, с. 2, 3].

Изначально в разделе о преступлениях против веры Свода законов Российской империи 1832 г. (том XV, книга I, второй раздел), а затем в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., сложившимся к данному времени в каноническом праве символам зла окончательно была придана уголовно-правовая форма. Смертная казнь предусматривалась за совершение богохульства и порицание веры (книга Левит: «Кто будет зловить Богу моему, тот понесёт грех свой, и кто хуленно произнесет Имя Всевышнего, да умрёт, да побьют его камнями»), ересь, раскол, лжеприсягу, отступление от постановлений церкви (нарушение заповеди о “дне субботнем”), отступление от веры (нарушение заповеди: «Я Господь, Бог твой... Да не будет у тебя других богов перед лицом Моим»), святотатство (нарушение заповеди: «Не приемли Имени Господа Бога твоего всуе»), разрытие могил, ограбление мёртвых тел [18, с. 628–644].

Несмотря на то, что теперь нарушение многих церковных канонов рассматривалось как преступление,

с которым государство было готово бороться целым арсеналом средств, каноническое отождествление преступления и греха не изжило себя. Как отмечал известнейший русский криминалист, профессор уголовного права Санкт-Петербургского университета Н.С. Таганцев, в основе такого воззрения лежали два источника: Пятикнижие Моисея и Евангелие [20, с. 2].

Понятие зла, злоупотребления было связано в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и с использованием церковных наказаний. Так, ст. 1476 предусматривала назначение церковного покаяния за злоупотребление властью родителями, опекунами, другими лицами, которое привело к самоубийству ребёнка или опекаемого.

Символом зла в XIX в. стало и распространявшееся сектантство. Так, например, характеризуя принципы полицейского права по отношению к различным конфессиям, закреплённые в Уставе духовных дел иностранных исповеданий, известный российский юрист, профессор И.Т. Тарасов (1849–1929) отмечал, что сектантство – это зло, но светская власть может вмешиваться в борьбу с ним только при безуспешности действий духовенства [17, с. 214].

Уголовное уложение 1903 г. способствовало преодолению в уголовном

праве не только канонического, но и церковно-правового влияния. Религиозные преступления стали рассматриваться с точки зрения нарушения общественного порядка, что нанесло серьёзный удар по их каноническому восприятию. Святотатство, лжеприсяга, неисполнение некоторых церковных постановлений, повреждение предметов, используемых при богослужении перестали относиться к преступлениям против религии [20, с. 8]. Это привело к тому, что преступление больше не рассматривалось как грех, зло.

Таким образом, вместе с каноническим правом, которое было воспринято Русью в период крещения, в российском праве появились определённые символы зла, представляющие собой примеры кодирования наиболее неприемлемых образцов поведения. Их развитие было связано как с попытками преодоления болезненных моментов жизни русского, а затем и российского общества, так и с реакцией на новые реалии. Олицетворение зла с грехом постепенно сменилось уголовно-правовыми характеристиками подобных деяний, хотя вплоть до революционных событий 1917 г. канонический компонент сохранялся.

*Статья поступила в редакцию:
14.09.2018 г.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 5–40.
2. Артикулы воинские от 25.04.1715 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. 1830. Т. V. № 3006.
3. Ассман А. Длинная тень прошлого. М.: Новое литературное обозрение. 2014. 328 с.
4. Бочкарев С.В. Социальная травма и смена политических режимов во Франции в XIX веке: постановка проблемы // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2018. № 3. С. 18–24.

5. Волков С.Н. Средневековый образ Люцифера как архетипический символ восприятия персонифицированного зла // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2010. № 1. С. 59–65.
6. Вяткин В.В. Синодальные обер-прокуроры при Екатерине II // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2011. Вып. 43. № 1 (216). С. 107–113.
7. Именной, объявленный Сенату генерал-прокурором Глебовым, указ от 29.01.1762 «О сочинении особого положения для раскольников, которые, удалясь за границу, пожелают возвратиться в отечество, с тем, чтобы им в отпращивании закона по их обыновению и старопечатным книгам возбранения не было» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. 1830. Т. XV. № 11420.
8. Исаев И.А. Зло, грех, наказание: герменевтические связи // Lex Russica. 2005. № 3. С. 417–435.
9. Матчанова З.Ш. Уголовно-правовая характеристика терроризма в контексте теории социальной травмы // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2018. № 3. С. 56–63.
10. Назаренко Б.А. Правовые новации в «Наказе» Екатерины II // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 3. С. 31–36.
11. Наказ, данный Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения от 30.07.1767 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. 1830. Т. XVIII. № 12949.
12. Олешкова А.М. Травма социальных изменений как неосознанное удовольствие // Система ценностей современного общества. 2014. № 35. С. 32–36.
13. Регламент или Устав Духовной коллегии от 25.01.1721 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. 1830. Т. VI. № 3718.
14. Рикёр П. Символика интерпретации зла [Электронный ресурс] // Библиотека электронной литературы: [сайт]. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A0/rikyor-polj/konflikt-interpretacij-ocherki-o-germenevtike/6> (дата обращения: 27.08.2018).
15. Соборное уложение от 29.01.1649 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. 1830. Т. I. № 1.
16. Стоглав [Электронный ресурс] // Монастырский хронограф: [сайт]. URL: http://monasterium.by/ustavy_i_dokumenty/dokumenty/postanovleniya-stoglavogo-sobora-1551-goda (дата обращения: 27.08.2018).
17. Тарасов И.Т. Очерк науки полицейского права. М.: Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1897. 702 с.
18. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. 1846. Т. XX. Отд. I. № 19283.
19. Устав духовных консисторий от 27.03.1841. СПб.: Синодальная типография, 1843. 134 с.
20. Чернявский А. Религиозные преступления (из лекций Н.С. Таганцева). СПб.: Типография О.А. Мансфельд, 1905. 43 с.
21. Чумичева О.В. Большой Московский собор 1666–1667 гг. [Электронный ресурс] // Православная энциклопедия / под ред. патриарха Московского и всея Руси Кирилла: [сайт]. URL: <http://www.pravenc.ru/text/149721.html> (дата обращения: 27.08.2018).
22. Шалапин С.О. Наказание и покаяние в церковно-пенитенциарной доктрине и практике средневековой России XV–XVII вв. // Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России / под ред. Р.А. Ромашова. Самара: Самарский юридический институт ФСИН, 2014. С. 249–254.
23. Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / пер. Е.Э. Липшиц [Электронный ресурс] // Библиотека электронных ресурсов исторического факультета МГУ

им. М.В. Ломоносова: [сайт]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/ecloga.htm> (дата обращения: 27.08.2018).

REFERENCES

1. Alexander J. [Cultural Trauma and Collective Identity]. In: *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 2012, no. 3, pp. 5–40.
2. [The Military Articles dated 25.04.1715]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie I* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection I], 1830, vol. V, no. 3006.
3. Assman A. *Dlinnaya ten' proshlogo* [Long Shadow of the Past]. Moscow, New Literary Review Publ., 2014. 328 p.
4. Bochkarev S.V. [Social Trauma and the Change of Political Regimes in France in the 19th Century: Problem Statement]. In: *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Jurisprudence], 2018, no. 3, pp. 18–24.
5. Volkov S.N. [Medieval Image of Lucifer as the Archetype Symbol of the Perception of Personified Evil]. In: *Sborniki konferentsii NITS Sotsiosfera* [Proceedings of Conferences at Scientific Research Centre *Sociosfera*], 2010, no. 1, pp. 59–65.
6. Vyatkin V.V. [The Synod Ober-Prosecutors under Catherine II]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. Vyp. 43* [Bulletin of Chelyabinsk State University. History], 2011, iss. 43, no. 1 (216), pp. 107–113.
7. [The Nominal Highest Decree, Declared to the Senate by the Prosecutor General Glebov, dated 29.01.1762, “On Making a Special Provision for Old Believers, who Emigrated and Wished to Return to the Motherland, to Allow them to Conduct their Usual Rituals and Use their Old-Style Books”]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie I* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection I], 1830, vol. XV, no. 11420.
8. Isayev I.A. [Evil, Sin, Punishment: Hermeneutic Context]. In: *Lex Russica*, 2005, no. 3, pp. 417–435.
9. Matchanova Z.Sh. [Criminal Law Characteristic of Terrorism in the Context of the Theory of Social Trauma]. In: *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence], 2018, no. 3, pp. 56–63.
10. Nazarenko B.A. [Legal innovations in the “Mandate” of Catherine the Great]. In: *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Current Issues of the Russian Law], 2008, no. 3, pp. 31–36.
11. [The Mandate Given to the Commission on Composing a New Code dated 30.07.1767]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie I* [The Complete Collection of the Laws of the Russian Empire. Collection I], 1830, vol. XVIII, no. 12949.
12. Oleshkova A.M. [The Trauma of Social Change as Unconscious Pleasure]. In: *Sistema tsennostei sovremennogo obshchestva* [The Value System of Modern Society], 2014, no. 35, pp. 32–36.
13. [Regulations of the Theological College dated 25.01.1721]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie I* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection I], 1830, vol. VI, no. 3718.
14. Riker P. [The Interpretation of the Symbolism of Evil]. In: *Biblioteka elektronnoi literatury* [Library of Electronic Literature]. Available at: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A0/rikyor-polj/konflikt-interpretacij-ocherki-o-germenevtike/6> (accessed: 27.08.2018).
15. [The Cathedral Code dated 29.01.1649]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie I* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection I], 1830, vol. I, no. 1.
16. [The Book of One Hundred Chapters]. In: *Monastyrskii khronograf* [The Monastery

- Chronograph]. Available at: http://monasterium.by/ustavy_i_dokumenty/dokumenty/postanovleniya-stoglavogo-sobora-1551-goda (accessed: 27.08.2018).
17. Tarasov I.T. *Ocherk nauki politseiskogo prava* [Sketches of the Science of Police Law]. Moscow, Association of "Pechatnya of S.P. Yakovlev" Publ., 1897. 702 p.
 18. [Regulations of Criminal and Corrective Punishments dated 1845]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie I* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection II], 1846, vol. XX, Dep. I, no. 19283.
 19. *Ustav dukhovnykh konsistorii ot 27.03.1841* [The Charter of Spiritual Consistory dated 27.03.1841]. St. Petersburg, Synod Typography Publ., 1843. 134 p.
 20. Chernyavskii A. *Religioznye prestupleniya (iz leksii N.S. Tagantseva)* [Religious Crimes (from the Lectures of N.S. Tagantsev)]. St. Petersburg, Typography O.A. Mansfeld Publ., 1905. 43 p.
 21. Chumicheva O.V. [The Big Moscow Cathedral 1666–1667]. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [The Orthodox Encyclopedia]. Available at: <http://www.pravenc.ru/text/149721.html> (accessed: 27.08.2018).
 22. Shalyapin S.O. [Punishment and Penance in the Church Penitentiary Doctrine and Practice of the 15th–17th Centuries Medieval Russia]. In: Romashov R.A., ed. *Yuridicheskaya nauka i praktika* [Legal Science and Practice]. Samara, Samara Law Institute FSIN Publ., 2014, pp. 249–254.
 23. [Eclogue. Byzantine Legislative Set of the 8th Century]. In: *Biblioteka elektronnykh resursov istoricheskogo fakul'teta MGU im. M.V. Lomonosova* [Library of E-Resources of the Historical Faculty of the Lomonosov Moscow State University]. Available at: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/ecloga.htm> (accessed: 27.08.2018).
-

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-01233 «Правовой фактор в динамике социальной травмы: российский опыт»

ACKNOWLEDGMENTS

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the scientific project no. 18-011-01233 "The legal factor in the dynamics of social trauma: the Russian experience".

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дорская Александра Андреевна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена;
e-mail: adorskaya@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksandra A. Dorskaya – Doctor of Law, professor, head of the Department of International Law, Herzen State Pedagogical University of Russia;
e-mail: adorskaya@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Дорская А.А. Символы зла в каноническом (церковном) праве России (X – начало XX вв.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 3. С. 39–48.
DOI: 10.18384/2310-6794-2018-3-39-48

FOR CITATION

Dorskaya A.A. The Symbols of Evil in the Canon (Ecclesiastical) Law of Russia (from the 10th to Early 20th Century). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2018, no. 3, pp. 39–48.
DOI: 10.18384/2310-6794-2018-3-39-48